

ИЗ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ

УДК 820.2

О. Е. Рубинчик

Санкт-Петербург, Россия

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК – «ПОЛУСЛУЧАЙНЫЙ НЕДОТЕРМИН» ИЛИ УДАЧНАЯ МЕТАФОРА?

Рассматривается понятие «Серебряный век» и уместность его использования.

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, термин, понятие, модернизм, Омри Ронен, Р. Д. Тименчик, Л. А. Иезуитова, Анна Ахматова.

Статья вызвана провоцирующей на полемику своей остротой книгой О. Ронена¹ «СВ² как умысел и вымысел» [1; 2]³, а также докладом Р. Д. Тименчика 2001 г. «СВ»⁴, из которого почерпнуто словосочетание «полуслучайный недотермин». Влиятельная книга О. Ронена заметно пошатнула среди исследователей представление о законности использования термина СВ. Приведу пример. Книге предпослано предисловие, написанное одним из крупнейших современных филологов Вяч. Вс. Ивановым, который, поддерживая автора, апеллирует к авторитету Ахматовой: «Из моих замечаний ей особенно понравилось предположение, что она задумала “Поэму без героя” для того, чтобы выразить свой взгляд на короткий период, предшествующий Первой мировой войне. Ни она, ни я не пользовались в разговоре тем термином, который анализирует О. Ронен в своей книге. Ни ей, ни мне он не подошел бы, и я совершенно согласен с доводами О. Ронена о его ошибочности (хоть и не уверен, что можно поменять вошедшее в стандартный обиход

¹ Размышления эти были записаны в 2006 г., когда О. Ронен был жив. К сожалению, в 2012 г. известного и уважаемого исследователя не стало. В 2013 г., готовя статью к публикации, я внесла лишь минимальные добавления, в основном библиографического свойства.

² Здесь и в дальнейшем везде Серебряный век – СВ, Золотой век – ЗВ, Железный век – ЖВ.

³ Среди откликов на книгу, от положительных до полемических: [3–10].

⁴ Доклад был прочитан в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме 22 июня 2001 г. на Ахматовских чтениях.

Рубинчик Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент Северо-Западного института печати (ул. Орджоникидзе, 17, Санкт-Петербург, 196143; rubinchik_olga@mail.ru; +7 (921) 796 56 26)

употребление этого термина, как бы неверен он ни был). Но мы имели в виду именно этот промежуток времени» [1, с. 14]. Ср. более ранние воспоминания Вяч. Вс. Иванова о том же: «Одно время по поводу поэмы ей казалось самым верным замечание того читателя, который увидел в ней точное воспроизведение Петербурга “СВ”, той дивной и короткой поры расцвета искусства, литературы, всей культуры: сжатое выражение всего начала века, столько обещавшего России» [11].

О. Ронен говорит о том, что термин «СВ» (он пишет его в кавычках и с маленькой буквы) ныне столь широко и машинально употребляется, что почти лишился содержания. «...Как бывает вообще с предметами беззаветного почитания, и сам термин, и подразумеваемое с его помощью представление набивают оскомину и, в конце концов, начинают вызывать отталкивание» [1, с. 29]. С О. Роненом абсолютно соглашается А. В. Лавров в рецензии на его книгу. Как мы видим из словосочетания «полуслучайный недотермин», так же думает и Р. Д. Тименчик⁵. Можно понять замечательных ученых, начавших свои занятия эпохой в советское время, когда это было почти нелегально, наказуемо, когда, по словам Р. Д. Тименчика, это был «ворованный воздух» (выражение Мандельштама из «Четвертой прозы»). А сейчас название «Поэзия СВ» красуется на книгах из серии «Бриллиантовая коллекция». Но может ли частота словоупотребления лишить термин смысла, если он изначально был? По-видимому, нет. Поэтому книга О. Ронена в конечном счете посвящена не этой проблеме, а стремлению доказать, что резона называть нечетко обозначенное им время СВ никогда и не было.

Действительно ли понятие «СВ» терминологически пустое? Пройдем коротко его историю вслед за О. Роненом и некоторыми другими исследователями⁶.

Л. А. Иезуитова [14] убедительно показывает укорененность металлургической метафоры «ЗВ» в русской литературе и шире – культуре с XVIII в., а с XIX века – укорененность оппозиции ЗВ / ЖВ. После того, как пушкинская эпоха стала восприниматься как безусловный ЗВ русской литературы или, по крайней мере, поэзии, естественным образом возник вопрос: а что потом, после?

Л. А. Иезуитова сообщает, что В. Соловьев готовил к печати «Книгу о русских поэтах», уточненное название которой, по всей видимости, – «СВ русской лирики. Опыт философской критики» (это название было анонсировано Соловьевым в 1887 г.). Книга не вышла, но были напечатаны отдельные ее части: одна – о Фете и Полонском, другая – о Тютчеве⁷. В статьях дана чрезвычайно высокая оценка этих поэтов. В дополнение к указанному Л. А. Иезуитовой назову статью Соловьева о Случевском, где он назван «одним из немногих еще остающихся достойных представителей “СВ” русской лирики»⁸. Таким образом, определение «СВ» оказывается применено к непосредственной предшественнице эпохи рус-

⁵ Или, по крайней мере, так Р. Д. Тименчик думал на тот момент. О возможной перемене отношения к термину свидетельствует, в частности, авторское предисловие к книге 2008 г.: «...“СВ” (если не годится эта наклейка, можно обозвать как угодно иначе, хоть “позорным десятилетием”, хоть золотым горшком, в печь только не надо ставить и разогревать позавчерашние яства, выдавая их за свой повседневный рацион)...» [12, с. 11]. Замечу также, что первый раздел книги называется «На окраинах СВ».

⁶ Подробную библиографию вопроса см. в книге О. Ронена. В числе его ближайших предшественников – Даниелла Рици, автор статьи «Непонятный (другие варианты перевода – необъяснимый, неуловимый) СВ» [13].

⁷ «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» (1890) и «Поэзия Ф. И. Тютчева» (1895).

⁸ Цит. по: [1, с. 94–95]. Статья Соловьева «Импрессионизм мысли» (1897).

ского модернизма. «Существуют и другие версии разграничения ЗВ и СВ русской литературы, – пишет Л. А. Иезуитова. – <...> Розанов дважды разграничивал “золото” и “серебро” на основании признаков эстетической уникальности литературы первой и второй половины XIX в. В статье “Ив. С. Тургенев” <...> ЗВ, по его мнению, охватывает литературу “от Карамзина до Гоголя включительно”; его характеризует господствующий интерес к средствам языковой выразительности: “форма этих писателей, язык их, яркость действительно несравненны с последующими”. СВ составляет “плеяда русских писателей”, чьи имена Тургенев, Гончаров, Островский, Достоевский, Толстой, “и, может быть, несколько еще возле них» [14, с. 20]. «...Категории “золота” и “серебра” в XIX и начале XX века стали применяться преимущественно по отношению к русской литературе и имели особые качества искусства, а не самой жизни» [14, с. 22]. Впрочем, конец века настраивал современников на осмысление в «металлургических» метафорах и самого времени, Л. А. Иезуитова называет имена нескольких ученых, использовавших эти метафоры в своих размышлениях. Она делает естественный вывод, что «формулы-мифологемы ЗВ, СВ и ЖВ довольно глубоко укоренились в культурном сознании XIX – начала XX века» и что некоторые из рассмотренных ею концепций можно «воспринять в качестве отдаленных предчувствий современных разговоров о СВ в России 1890–1910 годов» [14, с. 22].

Такого рода «предчувствия» анализирует и О. Ронен, выстраивая, однако, в значительной степени другой ряд. Исследователь отталкивается от высказывания С. Маковского в его книге мемуаров «На Парнасе “СВ”» (1962): «...“СВ” (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому – “Золотому”)...» [15, с. 258]. О. Ронен пишет: «Ряд ученых пытался найти определение “СВ” у Бердяева, но безуспешно, как свидетельствует о своих усилиях один из них, Б. М. Гаспаров: “...Я его не смог обнаружить ни в одном из бердяевских текстов” <...> между тем начало XX века он неизменно называл русским ренессансом, культурным, духовным, мистическим, художественным...» [1, с. 37–38; 16, с. 10].

Думается, имя Бердяева упомянуто Маковским в связи с определением «СВ» хотя и ошибочно, но не случайно: развернутые характеристики «русского ренессанса», данные философом во многих работах, способствовали укреплению восприятия начала XX века как особой эпохи, имеющей необыкновенную значимость для русской культуры. О. Ронен замечает, что «ренессанс и СВ... противоположные с точки зрения ценностного суждения о творческой мощи данной культуры...» [1, с. 38]. Однако в бердяевском определении этой эпохи всегда присутствовала и серьезная критика: он писал о чертах упадочничества, о декадансе. А это черты, свойственные, скорее, не ЗВ, а СВ [1, с. 39]. К тому же один раз Бердяев все же воспользовался «металлургическим» тропом, назвав пушкинское время «ЗВ русской поэзии» [1, 40–41; 17, с. 91]. Так что дальнейшее тиражирование имени Бердяева в связи с определением «СВ» можно объяснить не только небрежностью исследователей, принимавших утверждение Маковского на веру, но и естественной аберрацией.

Вот ряд, приводимый О. Роненом. За рубежом, отмечает исследователь вслед за Р. Д. Тименчиком, до Маковского это В. Вейдле в эссе «Три России» (1937): «Самое поразительное в новейшей истории России, это, что оказался возможным тот СВ русской культуры, который предшествовал ее революционному крушению. Правда, длился этот век недолго, всего лет двадцать <...> сияние его – как и подобает СВ – было в известной мере отраженным: его мысль и вкус обращались только к прошлому и дальнему; его архитектура была ретроспективной и на всем его искусстве лежал налет стилизации, любования чужим; его поэзия (и вообще литература), несмотря на внешнюю новизну, жила наследием предшествующего столетия; он не столько творил, сколько воскрешал и открывал. <...>

Конечно, без собственного творчества все это обойтись не могло <...> Эти годы видели долгожданное пробуждение творческих сил православной церкви, небывалый расцвет русского исторического сознания, дотоле неизвестное общее, почти лихорадочное оживление в области философии, науки, литературы, музыки, живописи, театра» [18; 1, с. 48]. «...Употребляя термин “СВ”, – пишет О. Ронен, – Вейдле вторит... фразеологии, которую в русской эмигрантской печати ввел Н. А. Оцуп» [1, с. 49]. О. Ронен сетует на то, что Вейдле не указал источник, из которого произвел заимствование. Но этот источник был, видимо, хорошо известен тем, на кого было рассчитано эссе Вейдле. Кроме того, в 1960 году в беседе с Ю. Иваском, собиравшем сведения о СВ, Вейдле имя Оцупа назвал: «В СВ стихи были на первом плане в литературе. Проза воспринималась на фоне поэзии. СВ (это выражение Н. А. Оцупа) – начало нашего и 90-е годы прошлого века. То же самое было и в ЗВ, в пушкинскую эпоху. В СВ – поколения декадентов, символистов, наконец – акмеисты и футуристы...» [19].

Надо сказать, что Вейдле имел право не ссылаться на Оцупа, так как понимал суть и границы СВ по-своему, не совпадая с Оцупом. В статье 1933 года «СВ» [20] «Оцуп определял СВ как тип творчества, скорее чем культурно-исторический период. <...> он выделял и превозносил в “ЗВ” “серебряных поэтов” (в первую очередь, Баратынского и, отчасти, Лермонтова) и в своеобразном синхроническом смысле провозглашал также существование поэтического ЗВ в XX столетии, представленного Тютчевым и Блоком как “золотыми поэтами” “СВ”». Тютчева он считает, по сути, современником Блока, поэтом, который «весь в двадцатом столетии...» [1, с. 81, 82].

Крайне путанные рассуждения Оцупа, по О. Ронену, примечательны лишь тем, что «до Оцупа выражение “СВ” в литературе русской диаспоры не употреблялось» [1, с. 72]. Однако это не так. Л. Г. Березовая в статье 2001 г. справедливо указывает, что словосочетание «СВ» до него использовал П. Н. Милюков – в 1924 г. в своей «пушкинской» речи в Сорбонне⁹.

В этой речи Милюкова понятие «СВ» использовано как типологическое, но применено, в частности, и к началу XX в.: «...когда я говорю, что Пушкин был наш первый классик, я разумею это в том смысле, в каком можно говорить о классической эпохе у всех народов как о высшей точке развития, равно удаленной от архаизма примитивной эпохи и от декаданса СВ». Милюков считал завершением пушкинской, дворянской, эпохи русской культуры середину XIX в. и утверждал: «Я уверен, что уже и сейчас, пережив полосу бурь и идейного хаоса, мы готовим материалы для нового подъема. Но пока – это *только* материалы. Есть единственный признак, по которому вы можете отличить материалы от законченного творения, которому суждено бессмертие. В материалах нет простоты, нет законченности, нет меры, нет внутреннего равновесия. <...> Не случайно и то, что наши... поэты последних поколений, вплоть до нашего, после всех зигзагов и отклонений, после новых экспериментов и новых чудачеств, снова и снова освежали свое вдохновение и свою внешнюю технику в этом живом источнике – Пушкине» [22, с. 313–316]. Приведенные фрагменты показывают, что СВ русской культуры, в его соотношении с пушкинским ЗВ, Милюков считает либо вторую половину XIX – начало XX в., либо именно начало XX в., отсюда слова «декаданс», «эксперименты».

Сославшись на Милюкова, я не хочу утверждать, что именно Милюков был первым. Традиция применять определения «ЗВ» и «СВ» к тем или иным периодам русской культуры была, как мы видим, давней и не прервалась при делении этой

⁹ См.: [8], электронная версия: http://www.nivestnik.ru/2001_3/1.shtml; см. также: [21, с. 109].

культуры на подсоветскую и эмигрантскую. Милуков употребляет определение «СВ» как само собой разумеющееся. Существенно другое: под российским СВ он явно понимает не только (или не столько) вторую половину XIX в., что, по утверждению самого О. Ронена, было общим местом, но и начало XX в., а возможно, именно его, как позже Вейдле.

Вероятно, Оцуп помнил о речи Милукова. Но опирался в своем определении двух веков он не на нее, а, как считает О. Ронен, на концепцию литератора, оставшегося в России, В. Пяста. В заметке, предваряющей его мемуары «Встречи» (М., 1929), Пяст писал: «...“поэты” в XIX столетии рождались <...> так сказать, “кустами”, в периоды, отделенные друг от друга промежутками в четное число лет. Поэты “ЗВ” – пушкинской поры, Боратынский, Языков, Тютчев и тьма менее знаменитых, но прекрасных поэтов родилась в “нулевых” годах, 18... “СВ” характеризуется поэтами с датами рождения от 1817 до 1824. Перед нами имена почти ровесников: Алексея К. Толстого, Я. П. Полонского, Ап. Н. Майкова, А. А. Фета, Л. А. Мея, Н. Ф. Щербины, А. А. Григорьева, Н. А. Некрасова, – и к этой блестящей плеяде присоединяются имена творцов современной русской прозы, из которых некоторые были не меньшими величинами и как “поэты” в широком смысле слова: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.

Итак, “нулевые” годы, двадцатые, и потом пробел <...>. За сорок лет – пять поэтов: а в шестидесятых годах сразу родились почти все “старшие” символисты и такие поэты, как Бунин, Фофанов, Лохвицкая и др. Мы далеки от претензии сравнивать наших сверстников, “восьмидесятников” по рождению, с представителями какого-нибудь “СВ” русского, скажем, “модернизма”. Однако в середине восьмидесятых годов явилось на свет тоже довольно значительное число людей, призванных “служить музам” [23, с. 21–22]. «Итак, – пишет О. Ронен, – Пяст уверенно и отчетливо различает “ЗВ” и “СВ” в классической русской литературе девятнадцатого столетия. Для двадцатого же столетия, для русского “модернизма”, он вводит понятие о двух “веках” <...> с большими оговорками. Лишь косвенно намекая на существование в модернизме “ЗВ”, о “СВ” в современной ему поэзии Пяст говорит в порядке рабочей гипотезы, скромно и осмотрительно, и умеряет аналогию с девятнадцатым столетием сознанием разницы в масштабах. Настоящий СВ русской поэзии Пяст видит во второй половине девятнадцатого столетия, в соответствии с критической традицией...» [1, с. 92] Отмечу, что, как бы ни был осторожен Пяст, его классификация приводит к тому, что Достоевский и не названный им Л. Толстой оказываются всего лишь «серебряными», а Языков и другие поэты его масштаба, Лохвицкая, Фофанов и т. п. – «золотыми». Приблизительность и натянутость – следствие использования любой классификации. И как бы ни хвалил О. Ронен классификацию Пяста в противовес ныне общепринятой концепции СВ, она, по крайней мере, ничуть не более убедительна.

О. Ронен, вслед за А. В. Лавровым [24, с. 381–382], пишет о еще одном оставшемся в России литераторе, попытавшемся – с другими оценками – перенести деление на ЗВ и СВ на русский модернизм. Это сделал Р. В. Иванов-Разумник в 1925 г. в памфлете «Взгляд и Нечто» под псевдонимом Ипполит Удушьев (в сборнике статей «Современная литература»). Удушьев превозносит писателей ЗВ и клеймит – за повышенное внимание к «форме» при отсутствии «души» – писателей СВ. Представители СВ для него – «Серапионовы братья», формалисты, акмеисты («акмеизм, убогое детище плохо переваренных теорий» [1, с. 106]), наследники идей Н. Гумилева и прочие «эпигоны». ЗВ – символисты. Деление модернизма на ЗВ и СВ у него не совпадает с пястовским: «Так мы вступаем – или уже вступили в новое литературное время. “ЗВ” русской литературы первой четверти XX века подошел к концу; немногими старшими богатырями еще держится он; мы вступаем – и уже вступили в истоки *века серебряного*» [1, с. 102]. Однако

впереди Иванов-Разумник ждет «революции духа, <...> новой волны обновленной культуры» [1, с. 109].

«Значительность роли “Ипполита Удушьева” и Владимира Пяста как зачинающей аксиологической схемы “металлургических метафор” в периодизации русской словесности XX века не подлежит сомнению», – считает О. Ронен. Думается, в этом как раз можно усомниться. Ряд исследователей, среди которых был и сам О. Ронен, уже объявлял таким зачинателем Оцупа, от чего позднее пришлось отказаться [1, с. 87]. Напомню, что речь Милюкова была произнесена раньше, чем вышла статья Иванова-Разумника, а за ней – воспоминания Пяста. Но и у Милюкова были предшественники. Об одном из них мельком – из-за неизвестности персонажа – говорит и сам О. Ронен: «Глеб Марев, загадочная фигура в истории русского футуризма, издал в 1913 г. в Петербурге манифест “Конечного Века Поези”, открывавший брошюру, озаглавленную “Вседурь. Рукавица современью”. В. Ф. Марков, включивший его в качестве приложения в антологию “Манифесты и программы русских футуристов” [25], допускал возможность, что “Вседурь” является пародией, но указывал, что “полной уверенности нет”...» [1, с. 112]. Вот как описывал Марев четыре «металлургических» века русской поэзии: «Недавний парад “Чемпионата поэтов” увершил историю Поези предельным достижением. Пушкин – золото; символизм – серебро; современье – тускломедная Вседурь, пугливая выявленьем Духа Жизни (perpetuum mobile) века Железа. <...> Факел “изломства” и прозрение “искусства” ЖВ по праву принадлежит “Чемпионату”...» [1, с. 112].

«Круг замкнулся: первое отождествление поэзии русского модернизма (точнее, в данном случае, символизма) с СВ, – комментирует О. Ронен, – оказалось приурочено к 1913 г., то есть к году, послужившему названием и призрачным календарно-историческим фоном первой части ахматовской “Поэмы без героя”, в которой так достопамятно и так рассчитанно амбивалентно прозвучало имя “СВ”:

<...> И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл» [1, с. 113].

Думается, однако, что высказывание неизвестного футуриста интересно не тем, что оно первое (это не так), а тем, что определение «СВ» по отношению к эпохе модернизма прилагается столь рано, изнутри самой эпохи (хотя некоторое временное расстояние все-таки есть: по Мареву, наступает уже век футуризма – ЖВ, а СВ – это отодвинутый им в прошлое, пусть на самом деле еще существующий, символизм).

Привожу еще более ранний пример использования «металлургических» метафор относительно явлений русского модернизма – случай, О. Роненом не учтенный. Родной брат Н. Оцупа Александр-Марк Оцуп, печатавшийся под псевдонимом Сергей Горный, писал: «...Улица разменяла золото Бальмонта на серебро Блока и в медные, пошедшие в народ захватанные пятаки российского модерна...» [26, с. 160; 27, с. 235] Впервые эти слова были опубликованы в 1909 г. в некрологе И. Анненскому [28], который, без сомнения, был известен Н. Оцупу, так что, размышляя на темы «золота» и «серебра» в 1933 г., он мог вспоминать не только о публикациях Пяста и Иванова-Разумника.

Использование понятия «СВ» внутри эпохи, как и целый ряд попыток приложить его к той или иной части русского модернизма, противоречит, на мой взгляд, основному пафосу книги О. Ронена: что определение «СВ» – случайное, что это «лишь отчужденная кличка».

По словам О. Ронена, «сами поэты, еще живые представители этого века, Пяст, Ахматова, Цветаева, пользовались им изредка со смутной и иронической покорностью, не снисходя до открытого спора с критиками» [1, с. 113–114]. Однако в рассмотренном О. Роненом тексте Пяста нет никакой покорности и иронии, напротив, он выстраивает пусть не очень убедительную, но цельную систему взглядов на русскую литературу с помощью определений «ЗВ» и «СВ».

К Цветаевой слова о покорности также невозможно отнести, об иронии – возможно. О. Ронен приводит фрагмент из цветаевского очерка «Черт»:

«← Барыня! Священники пришли! Прикажете принять?»

И сразу – копошение серебра в ладони, переливание серебра из руки в руку <...> Не надо бы – при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, про тридцать *сребреников*» [29, с. 146].

Этот фрагмент был исключен редакцией «Современных записок» при публикации очерка в 1935 г. и восстановлен А. Саакянц в наши дни по рукописной вставке, которую сделала Цветаева в отдельном оттиске [1, с. 50], так что цветаевское неопределенное «серебряное время» не могло повлиять на последующую судьбу формулы «СВ». «Очевидно, Цветаева в 1935 г. (если только вставка не была сделана позже, что мало вероятно) уже была знакома с наименованием “СВ”, – предполагает О. Ронен, – и, кажется, приняла его с той же несколько иронической резиньацией, что и Ахматова. Цветаева, впрочем, любила серебряные кольца...» [1, с. 51]

Перейду к упоминаниям СВ Ахматовой. О. Ронен учитывает одно из них – в «Поэме без героя», подозревая здесь иронию и покорность. Покорность, думается, ни при чем. Речь идет о самоназвании эпохи, которое закрепилось в значительной степени именно благодаря Ахматовой, ибо она была одной из главных представительниц этой эпохи. Неизвестно, какой источник мог послужить импульсом для использования ею в «Поэме» словосочетания «СВ» (рассуждения Пяста и Иванова-Разумника она, несомненно, знала). Скорее всего, что для нее обычно, источник был не один. Как бы то ни было, строки о СВ стоят у истоков поэмы: они есть в самом раннем из известных на сегодняшний день (а более ранних, судя по датам, уже не может быть) набросков «Поэмы без героя», записанном рукой Л. Андриевской (жены Б. Энгельгардта) и датированном «25 дек. – 2 янв. 1941 г.»¹⁰. Строки потом вошли в первую часть, носящую название «Девятьсот тринадцатый год» – год, в котором для Ахматовой сконцентрировалась эпоха, ее безмятежное начало и грозные предчувствия конца. В отличие от «Поэмы» в целом, строки о СВ были впервые опубликованы очень рано, еще в 1945 г., в составе отрывка «Тысяча девятьсот тринадцатый» (Ленинградский альманах, 1945, с. 211). В 1961 г. они вошли в книгу «Стихотворения». Также Маковский мог прочесть их в нью-йоркском альманахе «Воздушные пути» в 1960 (№ 1) или 1961 г. (№ 2), где «Поэма без героя» печаталась целиком в двух разных редакциях. Так что, давая название своим мемуарам, Маковский ахматовские строки, скорее всего, помнил.

К тому времени, когда определение «СВ» стало распространяться вширь, Ахматова была одним из последних представителей этой эпохи, и авторитет ее был огромен. Так, В. Кривулин как о счастье говорил о возможности общаться с Ахматовой в 1960-е гг. и «быть сопричастным к чуду творения мифа СВ, мифа, который является составной частью нашего духовного мира» [30, с. 30]. Так что использование Ахматовой определения «СВ» было весьма значимым фактом. Ирония, о которой говорит О. Ронен, была, но не по отношению к названию

¹⁰ Набросок «Поэмы без героя» из дневника Андриевской опубликован Т. Б. Фабрицевой и Н. В. Королевой (см.: Роман-журнал XXI век. М., 2000. № 9).

«СВ», а по отношению к обозначаемой им эпохе, это отношение включало в себя сложную гамму чувств. Как сказал в своих воспоминаниях об Ахматовой В. Муравьев: «Она оплакала и прокляла свое время, с легкой руки Маковского именуемое СВ, в “Поэме”» [31, с. 64].

Отвлекаясь ненадолго от Ахматовой, обращу внимание на слова Муравьева «с легкой руки Маковского». О. Ронен называет Оцуца, Вейдле и Маковского эпигонами Пяста и Иванова-Разумника за то, что эти трое не ссылались при упоминании СВ на этих двоих [1, с. 111]. Но тогда и Пяста можно назвать эпигоном Иванова-Разумника, и Иванова-Разумника – эпигоном неизвестного футуриста, и футуриста – эпигоном С. Горного. Цепочка участников эпохи, которые применили словосочетание «СВ» так, что оно хотя бы в какой-то степени оказалось отнесено к тому, что сегодня обозначают этим понятием, – цепочка эта наверняка будет дополняться. По-видимому, уже сейчас стоит оговорить, что еще один, пусть и поздний, участник эпохи, поэт и литературовед Л. И. Страховский (1898–1963), также внес свою лепту в закрепление термина «СВ». Правда, его текст написан на английском языке, в Канаде, т. е. в стороне от остальных упомянутых персонажей. Это статья 1959 года «СВ русской поэзии: символизм и акмеизм» [32], которую О. Ронен назвал банальной и компилятивной (тут термин применяется как нечто общепринятое) [1, с. 74–75].

Линию, которая выстраивается на сегодняшний день, можно, видимо, представить себе так: С. Горный (1909) – Марев (1913) – Милюков (1924) – Иванов-Разумник (1925) – Пяст (1929) – Оцуп (1933) – Цветаева (1935) – Вейдле (1937) – Ахматова (1941) – Страховский (1959) – Маковский (1962).

Ни в одном из случаев речь не идет о прямом цитировании, каждая концепция отлична от предшествующих, так что об эпигонстве речи быть не может. По всей вероятности, каждый по-своему улавливал то, что витало в воздухе, естественным образом продолжая концепции ЗВ и СВ прошлого столетия.

Популярность формулы «СВ» со времен Маковского – следствие удачного названия воспоминаний (что признает и сам О. Ронен) и их популярности. А главное – следствие ясности и простоты созданного им образа эпохи. Наиболее близка его концепция к тому, что пишет Вейдле, но тот впоследствии вводит понятие «золотая пора нашего СВ» [34; 1, с. 74] и педалирует отраженный характер культуры СВ. А воспоминания Маковского «На Парнасе “СВ”» появляются тогда, когда пережитые им и его современниками ужасы и сравнительная художественная скудость XX в. окрашивают эпоху русского модернизма сильнейшей ностальгией, превращая ее почти в рай, почти в ЗВ. Название «СВ» не несет в это время отрицательного или ироничного оттенка, напротив, оно делает эпоху непосредственным преемником ЗВ, пушкинской поры. И непротиворечивость, бесконфликтность оценки Маковского, восприятие им отодвинувшейся вдаль эпохи как цельной, сияющей серебром, отвечает общим ожиданиям: «Заглавие “На Парнасе СВ”» – пишет он, – указывает на поэтов, писателей, художников, музыкантов, выразивших своим творчеством русский культурный подъем в предреволюционную эпоху; из них многие закончили на Западе свой творческий путь и утвердили в мировом сознании значение не только “СВ”, но и всей нашей художественной культуры. <...> Томление духа, стремление к “запредельному” пронизало весь наш век, “СВ” (так называл его Бердяев, противопоставляя пушкинскому – “Золотому”), отчасти под влиянием Запада. <...> Восприняв с некоторым опозданием этих учителей-поэтов, “СВ” освоил их по-русски и углубился в романтику эстетствующего богоискательства. Случилось это в те годы, когда русская империя уже погибала. <...> “СВ”, мятежный, богоищущий, бредящий красотой, и ныне не забыт. Голоса его выразителей до сих пор звучат, хотя и по-иному, чем звучали тогда, после почти полувековой вражды в России к тому, что увлекало нас в пред-

революционные годы, пусть противоречиво и часто болезненно-упадочно. И это лучшее указание, что традиция продолжается. Она и оплодотворит новую – не марксистскую, не бездуховно-рабскую – Россию» [15, с. 257–258].

Рука Маковского действительно оказалась легкой. О. Ронен справедливо указывает, что в качестве источника воспоминаниями надо пользоваться «с величайшей осторожностью», однако это касается почти любых воспоминаний. О. Ронен напоминает также, что автора воспоминаний Ахматова «заклеймила за “неслышанную развязность”, “нелепую и шутовскую болтовню” о современниках» [1, с. 45]. Причина этого личная: в главе «Николай Гумилев» Маковский позволяет себе очень почтительно, но все же обсуждать ее отношения с мужем. Что же касается введения клише «СВ», то тут Маковский и Ахматова, вольно или невольно, поддержали друг друга. Так, в заметке, которая посвящена разоблачению воспоминаний Маковского, рассказывая о своем вступлении в литературу, Ахматова писала: «А вы знаете, как умели хвалить на Парнасе СВ!» [34, с. 225–226]. Несомненная ирония не отменяет того, что Ахматова использует определение в том же значении, что и Маковский.

Сохранились свидетельства упоминания ею формулы «СВ» в устном общении. В беседе с Г. Адамовичем в Париже в 1965 году Ахматова произнесла, развивая «металлургическую» концепцию и распространяя ее на молодых поэтов 1960-х гг.: «Был недавно СВ русской поэзии, а теперь опять будет золотой» [35, с. 75]. В разговоре с Г. Ратгаузом в 1960-е гг. она сказала: «Во второй половине XIX века у нас тоже упал интерес к стихам <...> Потом <...> наступил наш серебряный век: Блок, Скрябин, Врубель, Рахманинов – и все изменилось» [36]. Таким образом, СВ она считала не вторую половину XIX в., что О. Ронен находит более естественным, а именно эпоху модернизма, и воспринимала это определение со знаком плюс.

Казалось бы, ясно, что термин «СВ» имеет право на существование. Но я перечислила еще не все обвинения в его адрес. Одна из распространенных причин недовольства СВ сформулирована А. Г. Найманом: «Понятие “СВ”, изобретенное впоследствии его представителями, подтягивало новое искусство к “ЗВ” и некорректно, и чисто формально: все, что было между Пушкиным и Блоком, как бы не замечалось “СВ”» [37, с. 44]. Таким образом, после ЗВ образовывалось зияние. Однако для второй половины XIX в. вполне адекватное название было предложено Д. Святополк-Мирским: ЗВ русского романа¹¹. Вероятно, более точно было бы – «ЗВ русской прозы», тогда туда уложились бы и повести Тургенева, и рассказы Чехова. Название не было подхвачено – возможно, из-за невнятности, неубедительности указанных Мирским хронологических рамок (подробнее об этом здесь говорить не стоит).

Другая причина недовольства так сформулирована О. Роненом (так же считал когда-то Роман Якобсон [1, с. 122]): «...не столько от того, что век, может быть, перехвалили, а потому, что его, при всех его грехах, недооценили. <...> как бы ни был век хорош или дурен, праведен или грешен, прекрасен или уродлив, живителен или гибелен, в дни своего цветения и в многочисленных своих представителях он не был второсортен, хил, подражателен или бледен...» [1, с. 70]. В этом перечислении «или» можно заменить на «и» – все эти эпитеты подходят к СВ русской культуры. О. Ронен одобряет высказанную еще в 1926 г. идею Мирского: «второй ЗВ стиха, уступающий только первому ЗВ русской поэзии – веку Пушкина» [1, с. 33]. Но, во-первых, это определение слишком длинно и сложно для термина, а во-вторых, «уступающий только ЗВ» – это и есть СВ. Вспомним и о постоянных оговорках Бердяева об элементах упадка в «русском ренессансе» начала

¹¹ См.: [38] (об этом – у Ронена; [1, с. 92]). В переводе: [39, с. 331].

XX века. Можно говорить о СВ русской поэзии, но я бы, вслед за Бердяевым, Маковским и многими другими, говорила о культуре этого времени в целом. Термин «СВ русской культуры» кажется мне достаточно содержательным и более точным.

Итак, приведен ряд аргументов, позволяющих не считать понятие «СВ» «полуслучайным». Но, может быть, СВ «недотермин»? По этому поводу хочется сказать следующее.

Недовольство должно вызывать, скорее, не название СВ, а распространенный способ его использования. О. Ронен замечает, что сегодня это, «в более или менее тривиальном критическом обороте, просто расхожий штамп, по сути дела лишенный всякого исторического, хронологического и даже ценностного содержания» [1, с. 30]. Однако нельзя сказать, что этот термин лишен содержания в учебнике З. Г. Минц и М. Ю. Лотмана, где говорится о СВ в русской поэзии, СВ определен как русский модернизм, и приводится ряд характеристик модернизма (плюрализм, иррационализм и экспериментальность, рефлексивность). Также в статье М. Л. Гаспарова говорится: «Поэтика “СВ” <...> – это прежде всего поэтика русского модернизма» [16, с. 7]; подробно рассматриваются характеристики («сознательное стремление к обновлению поэтических средств с тем, чтобы выразить обновление мировосприятия – смену больших исторических эпох» [16, с. 9]; движение от реализма, который шел к тому, чтобы растворить искусство в действительности, к другой крайности – «искусству для искусства»; и др.).

В данном случае, как и во множестве других, точное содержание и определение границ понятия установить трудно: реальное, живое явление всегда сопротивляется жесткой классификации, хотя человеческий разум и нуждается в ней. Ср. проблемы определения таких ближайших к СВ понятий, как модернизм, авангард, акмеизм, тоже определяемых весьма по-разному; ср. слова О. Ронена об акмеизме: «Более чем какое-нибудь другое литературное направление XX века, акмеизм сопротивляется точному его определению», а также начало «Заметок об акмеизме» Р. Д. Тименчика: «В предлагаемых вниманию читателя заметках не содержится дефиниции их заглавного предмета», далее – «о принципиальных трудностях или даже невозможности составления подобной дефиниции» [40, с. 23].

Если же, несмотря на многолетнее изучение стоящего за термином феномена, остается ощущение его неясности, то – используя формулировку из доклада Р. Д. Тименчика – можно сказать: поэтика СВ «должна быть сначала описана, по возможности исчерпывающе, а уж затем можно будет обсуждать, правомерно ли выделять этот <...> эстетический объект <...> как особый этап в истории русской культуры, имеющий разрешение на самоназвание, или не правомерно».

То, что определение СВ, имеющее мифологические корни, не годится для термина, так как не описывает в должной мере явления, не кажется серьезным доводом, поскольку почти не существует терминов, в свернутом виде содержащих обозначаемое явление (одна из удачных находок – символизм). В таком случае пришлось бы, например, отказаться от термина «модернизм», который указывает лишь на новизну явления, давно переставшего быть новым, и тем более от термина «акмеизм», который вообще не несет никакой нагрузки. Если уйти из истории литературы, то можно привести в пример названия «декабризм», «декабристы» – эти слова указывают лишь на месяц, когда свершилось историческое событие, – и не более того. По сравнению с приведенными примерами словосочетание «Серебряный век» гораздо более наполнено содержанием. Осмысленным оно является хотя бы в силу долгой традиции: понятия «ЗВ», «СВ», «ЖВ» использовались даже не века, а тысячелетия, а в русской культурной традиции – с XVIII в.,

к русской же литературе прилагались не позднее, чем с XIX в. В данном же случае мы имеем дело с самоназванием, и это чрезвычайно весомый аргумент.

Список литературы

1. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000.
2. Ronen O. The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature. Amsterdam, 1997.
3. Лавров А. [Рец.] // Новая русская книга. 2000. № 4/5.
4. Золотоносов М. Умысел и вымысел [Рец.] // Московские новости. 2000. № 45 (1063). 14–20 нояб.
5. Кобрин К. [Рец.] // Новый мир. 2000. № 11.
6. Толстой И. Кто же сказал, что век – «серебряный»? // Русская мысль. 2000. № 4346. 21–27 дек.
7. Кацис Л. «Ипполит» и «Удушение» «СВ» [Рец.] // Логос. 2001. № 1 (27).
8. Березовая Л. Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
9. Калугина О. В. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел // Новый исторический вестник. 2001. № 3 (5).
10. Воскресенская М. А. Серебряный век: вымысел, умысел или реальность (замечания к неоконченному спору о терминах) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 295.
11. Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 482–483.
12. Тименчик Р. Д. Вид с горы Скопус // Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008.
13. Rizzi D. L'inafferrabile età d'argento // Europa Orientalis. 1996. Vol. 15. No. 2.
14. Иезутова Л. А. Что называли «золотым» и «серебряным веком» в культурной России XIX – начала XX века // Гумилевские чтения: Материалы междунар. конф. филологов-славистов. СПб., 1996.
15. Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века» // Маковский С. К. Портреты современников. М., 2000.
16. Gasparov V. The «Golden Age» and its Role in the Cultural Mythology of Russian Modernism // Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. California Slavic Studies. Berkeley, 1992. Vol. 15.
17. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.
18. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
19. Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.
20. Оцуп Ник. СВ // Числа / Под ред. Николая Оцупа. Париж, 1933. Кн. 7–8.
21. Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры: В 2 т. М., 2002.
22. Милюков П. Н. Историческая роль Пушкина (Речь в Сорбонне, 12 июня 1924 года, в 125-ю годовщину рождения А. С. Пушкина) // Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837–1937). Историко-биографический очерк. М., 1997.
23. Пяст Вл. Встречи. М., 1997.
24. Лавров А. В. Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником // Александр Блок. Новые материалы и исследования (Литературное наследство). М.: Наука, 1981. Т. 92, кн. 2.
25. Markov V. Die Manifeste und Programmschriften der Russischen Futuristen. Manifestы и программы русских футуристов. München, 1967.

26. Горный С. И. Ф. Анненский (Листок на могилу) // Горный С. Царское Село. Рассказы 1920–30-х годов. СПб., 2011.
27. Горный С. И. Ф. Анненский (Листок на могилу) // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011.
28. Горный С. И. Ф. Анненский (Листок на могилу) // Биржевые ведомости. 1909. 3 дек. Утр. вып.
29. Цветаева М. И. Проза. Кишинев, 1986.
30. Кривулин В. Б. Выступление на вечере, посвященном 110-летию со дня рождения Анны Ахматовой 23 июня 1999 г. // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001.
31. Муравьев В. С. Воспоминания об Анне Ахматовой // Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001.
32. Strakhovsky L. I. The Silver Age of Russian Poetry: Symbolism and Acmeism // Canadian Slavonic Papers. 1959. Vol. 4. P. 61–87.
33. Вейдле В. О поэтах и поэзии. Париж, 1973.
34. Ахматова А. А. Автобиографическая проза // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие. Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой. М., 1991.
35. Адамович Г. Мои встречи с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991.
36. Ратгауз Г. Как феникс из пепла. Беседа с Анной Андреевной Ахматовой // Знамя. 2001. № 2.
37. Найман А. Г. Записки о Анне Ахматовой. М., 1989.
38. Mirsky D. S. A History of Russian Literature from its Beginnings to 1900. N. Y., 1958.
39. Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 г. М., 2008.
40. Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. Amsterdam, 1974. № 7/8.

O. E. Rubinchik

Sankt-Petersburg, Russia

**THE SILVER AGE
SEMI-ACCIDENTAL NON-DETERMINED TERM
OR THE SUCCESSFUL METAPHOR?**

The article is considered such meaning as «The Silver age» and relevance of its use.

Keywords: Russian literature, the Silver age, term, meaning, modernism, Omry Ronen, R. D. Timenchik, L. A. Iesuitova, Anna Akhmatova.

Rubinchik Olga E. – candidate of philology, associated professor of the Northwest Institute of Print (17 Ordzhonikidze Str., St.-Petersburg 196143; rubinchik_olga@mail.ru; +7 (921) 796 56 26)